

КНИГА ДАНИЭЛЯ КАК АРХЕТЕКСТ ЛИРИКИ БАЙРОНА («ВИДЕНИЕ ВАЛТАСАРА» И «ВАЛТАСАРУ»)

THE BOOK OF DANIEL AS THE ARCHETEXT OF BYRON'S LYRICS («VISION OF BELSHAZZAR» AND «TO BELSHAZZAR»)

П. В. ШНЕЙДЕР
P. SCHNEIDER

*Белорусский государственный университет
факультет социокультурных коммуникаций
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: pavel.schneider@aol.com*

В статье через призму библейской архетекстуальности рассматриваются стихотворения Дж. Г. Байрона «Видение Валтасара» и «Валтасару», входящие в лирический цикл «Еврейские мелодии». Байроновский Валтасар предстает как сатира на Наполеона и принца-регента (после 1820 – короля) Георга IV, в образе которого автор подчеркивает брэнность мира и разочарование в неподконтрольной власти.

Through the prism of biblical archetextuality, this study explores G. G. Byron's poems «Vision of Belshazzar» and «To Belshazzar». Byron's Belshazzar is seen as a satire on Napoleon and Prince Regent George IV. The array of emotions is expressed in a dialogue with the Book of Daniel which also serves as prime archetext.

Ключевые слова: Дж. Г. Байрон; английская поэзия; романтизм; «Еврейские мелодии»; Библия; Книга Даниэля; архетекст; библейская архетекстуальность.

Keywords: G. G. Byron; English poetry; romanticism; «Hebrew Melodies»; the Bible; the Book of Daniel; archetext; biblical archetextuality.

Для литературы английского романтизма, как и романтизма в целом, одним из важнейших «собеседников» и образцов для творчества стала Библия: ее поэтика осознается как чрезвычайно важный корректив к античному эталону. Различные книги Библии выступают, согласно определению Г. В. Синоло, как «осевые» архетексты европейской культуры и литературы (см.: [6]). Это наглядно подтверждает и два стихотворения Джорджа Гордона Байрона, основой которых стала Книга Даниэля и в целом апокалиптические настроения – «*Vision of Belshazzar*» («Видение Валтасара») и «*To Belshazzar*» (впервые было издано в 1931 г., после смерти Байрона, и не переведено на русский язык). Г. В. Синоло, говоря о жанре Книги Даниэля, пишет: «На самом позднем этапе развития древнееврейской культуры, в эпоху насильственной эллинизации и отчаянного сопротивления ей, когда наиболее пытливые, сомневающиеся и мучающиеся умы пытаются постичь роковой смысл истории, рождается еще один уникальный жанр древнееврейской литературы, оказавший огромное влияние на последующую традицию, особенно христианскую» [5, с. 411]. Байрона стоит назвать апокалиптиком, что не мешает ему оставаться оригинальным поэтом-романтиком, тем более что мышление романтизма, особенно позднего, отличается трагичностью и даже катастрофичностью. Стремление придать истории смысл объединяет древнееврейского автора и английского поэта, с чем согласился бы и Н. Бердяев: «История имеет смысл только в том случае, если она кончится, если она не будет бесконечной» [2, с. 127–128]. Краугольный камень

эстетики творчества Байрона, как пишет сам автор, – красота в завершенности: «Вообще статуи, надо сказать, обыкновенно поэтичнее, нежели природа, хотя бы уже потому, что они воплощают в себе и являют взору ту идеальную красоту и завершенность, коих не сыщешь в природе» [4, с. 321]. Байрон заимствовал у Библии ее образность и стилистику, но дал свое понимание эсхатологии – учения о конце истории. Древний апокалиптик остро переживает крах «большой» истории, то есть истории всего человечества, Байрону больше присуще переживание «малой истории», то есть истории одного человека в контексте «большой» истории:

The King was on his throne, / The Satraps thronged the hall; / A thousand bright lamps shone / O'er that high festival. / A thousand cups of gold, / In Judah deemed divine – / Jehovah's vessels hold / The godless Heathen's wine! // In that same hour and hall, / The fingers of a hand / Came forth against the wall, / And wrote as if on sand: / The fingers of a man; – / A solitary hand / Along the letters ran, / And traced them like a wand. – // The Monarch saw, and shook, / And babe no more rejoice; / All bloodless waxed his look, / And tremulous his voice. / «Let the men of lore appear, / The wisest of the Earth, / And expound the words of fear, / Which mar our royal mirth». // Chaldea's seers are good, / But here they have no skill – / And the unknown letters stood / Untold and awful still. – / And Babel's men of age / Are wise and deep in lore; / But now they were not sage, / They saw – but knew no more. // A captive in the land, / A stranger and a youth, / He heard the King's command, / He saw that writing's truth. / The lamps around were bright, / The prophecy in view; / He read it on that night, – The morrow proved it true. – // «Belshazzar's grave is made – / His kingdom passed away – / He, in the balance weighed, / Is light and worthless clay. / The shroud, his robe of state, / His canopy, the Stone; / The Mede is at his gate! / The Persian on his Throne!» [7, p. 80].

Художественный перевод Евгения Фельдмана:

Владыка на престоле; / Сатрапы; / толпы слуг; / Просторен зал, как поле; / Веселый пир вокруг. / Кошунством до основы / Здесь все осквернено: / В сосудах Иеговы / Язычников вино! // И чудо вдруг случилось: / Рука, как бы извне, / Знаменьем проявилась / На каменной стене. / И надпись крупно, броско, / Могуча, но легка, / На камне, как на воске, / Оставила рука. // И страх пришел великий, / Веселый пир поправ. / И побледнел владыка, / И молвил, задрожав: / «Зовите нам провидца. / Пускай он объяснит, / Что в надписи таится / И что нам рок сулит!» // Учеными обильна / Халдейская страна, / Но все они бессильны / Проникнуть в письма. / Жрецы, что в этой роли / Не раз дивили мир, / Здесь видели не боле / Собравшихся на пир. // Тут вышел юный пленник / К владыке всех владык. / Евреев соплеменник, / Он тайный знал язык. / И все, что он той ночью / Поведал при царе, / Увидел царь воочью / На утренней заре! // «Что создано тобою, / Растает на глазах. / Ты, взвешенный судьбою, / Увы, ничтожный прах. / Мгновениям убийцы / Уже ведут отсчет. / У врат стоят мидийцы, / И перс твой трон займет!» [1].

Стихотворение Байрона во многом повторяет картину, нарисованную Даниэлем, в которой автор отдален от героя во времени: «Валтасар царь сделал большое пиршество для тысячи вельмож своих и пред глазами тысячи пил вино» (Дан 1:1; здесь и далее Синод. перевод). Баллада Байрона «Видение Валтасара» имеет четкую наполеоновскую тематику, хотя сам поэт отрицал всякую связь своих произведений с современными ему событиями и людьми. Такой вывод возможен благодаря двум фактам. Первый – самый очевидный: год создания стихотворения: «Видение Валтасара» написано в 1815 г., в пе-

риод первого и второго отречения Наполеона от престола – с апреля 1814 по июнь 1815 гг. После первого отречения Наполеон попытался вернуть свой титул и власть, и ему это удалось – на 100 дней. К 1815 г. Франция была слаба, что сделало невозможным долгое правление Наполеона. Вторым факт – выбор героев, Валтасара и Даниэля. Валтасар был наследником Навуходоносора и оказался последним царем Вавилона, о чем говорится в Библии: «В ту же самую ночь Валтасар, царь Халдейский, был убит / И Дарий Мидянин принял царство, будучи шестидесяти двух лет» (Дан 5:30–31). Образы Валтасара и Наполеона близки для Байрона еще по одной причине: в отличие от грехов Саула или Ирода грех Валтасара, как и Наполеона, заключается в перманентном неуважении и осквернении Другого. В своем произведении Байрон создал самобытный образ пророка Даниэля: «Пленник на земле, / Чужак и юноша, / Он услышал приказ царя, / Он увидел, что написанное – правда» (здесь и далее подстрочный перевод наш. – П. Ш.). По Библии, Даниэль уже не был юношей, когда на трон взошел Валтасар, ведь он еще служил при его отце. Байрон был хорошо знаком с Библией, поэтому, скорее всего, он допустил такую трактовку сознательно, ведь широко известно, что Наполеон Бонапарт был «рожден под счастливой звездой» и верил в мистику. Одной из самых известных предсказательниц Парижа того времени была юная – всего 20 лет – Мария-Анна-Аделаида Ленорман, к которой, по легенде, и обращался Наполеон, и даже его жена – Жозефина. Или есть легенда, что в день коронации Наполеону подарили ларец с таинственной рукописью, в которой предсказывалась судьба Франции и самого императора. Все это подталкивает нас к проведению связей между образами «Видения Валтасара» и образами Наполеона и его окружения.

Похожий образ Валтасара возникает и в другом произведении Байрона – в стихотворном романе «Дон Жуан», ставшем своего рода сатирой на общество Европы:

«These Oriental Writings on the Wall, / Quite common in those Countries, are a kind / Of Monitors adapted to recall, / Like Skulls at Memphian banquets, to the Mind / The words which shook Belshazzar in his Hall, / And took his kingdom from him: You will find, / Though Sages may pour out their Wisdom's treasure, / There is no sterner Moralist than Pleasure» [7].

Стихотворение «Видение Валтасара» также могло быть адресовано и любящему веселье денди – Георгу IV. Принц-регент (после 1820 г. – король) часто становился объектом сатиры, в том числе карикатуриста Уильяма Хита и Джорджа Байрона. Хотя связь с английским принцем лучше проявлена в неопубликованном при жизни Байрона стихотворение «To Belshazzar»:

“Belshazzar! From the banquet turn, / Nor in thy sensual fullness fall; / Behold! While yet before thee burn / The graven words, the glowing wall. / Many a despot men miscall / Crowned and anointed from on high. / But thou, the weakest, worst of all – / Is it not written, thou must die? // Go! dash the roses from thy brow – / Gray hairs but poorly wreath with them; / Youth's garlands misbecome thee now, / More than thy very diadem, / Where thou hast tarnished every gem – / Then throw the worthless bauble by, / Which, worn by thee, ev'n slaves contemn; / And learn like better men to die! // Oh! early in the balance weighed, / And ever light of word and worth, / Whose Soul expired ere Youth decayed, / And left thee but a mass of earth. / To see thee moves the scorner's mirth: / But tears in Hope's averted eye / Lament that ever thou hadst birth – / Unfit to govern – love – or die. –” [7, с. 80].

«Валтасар! От пиршества отвернись / и не падай в своей чувственной полноте; / Смотри! Пока еще перед тобой горят / высеченные слова, светя-

щаяся стена. / Многие деспоты ошибочно называют себя / коронованными и помазанными свыше. / Но ты, самый слабый, худший из всех – / Разве не написано, что ты должен умереть? // Иди! сорви розы со своего лба – / Седые волосы, но плохо завитые им; / Гирлянды юности не к лицу тебе сейчас, / Больше, чем сама твоя диадема, / На которой ты запятнал каждый драгоценный камень – / Тогда брось бесполезную безделушку, / Которая, носимая тобой, презирается даже рабами; / И научись умирать, как лучшие люди! // О! рано на весах был взвешен, / И каждый свет слова и значимости, / Чья Душа испустила Дух, / И оставил тебе лишь массу земли. / Видно, что тобой движет веселье насмешника: / Но слезы в отведенных глазах Надежды, / оплакивают, что ты когда родился – умеешь управлять – любить – или умереть».

Муррей – первый издатель «Еврейских мелодий» – не опубликовал это стихотворение в 1815 г. из-за явной отсылки к принцу-регенту и, возможно, к Консервативной партии. Такого рода реминисценции можно найти в «Дон Жуане», где Байрон высмеял и правителя, и известного в те времена бизнесмена, Уильяма Куртиса:

“Teach them the decencies of good threescore; / Cure them of tours, hussar and highland dresses; / Tell them that Youth once gone returns no more, / That hired huzzas redeem no land’s distresses; / Tell them Sir William Curtis is a bore, / Too dull even for the dullest of excesses, / The witless Falstaff of a hoary Hal, / A Fool whose bells have ceased to ring at all; // Tell them, though it may be perhaps too late / On Life’s worn confine, jaded, bloated, sated, / To set up vain pretences of being great – / Tis not so to be Good; and be it stated / The worthiest kings have ever loved least State...” [7].

Дидактичность – ключевая категория поэзии Байрона – требует интеллектуализма, погружения в социокультурный контекст эпохи и знания многих культурных контекстов, в том числе и библейского. Библейская архетекстуальность помогает Байрону выразить свой взгляд на историю и роль личности в истории, сформулировать свои политические взгляды и свою нравственную позицию. Последняя так же ценна, как и поэтическая форма байроновских стихотворений, и исходит из принципа: «О человечестве суди по человеку».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Байрон Дж. Г. Видение Валтасара / пер. с англ. Е. Фельдмана [Электронный ресурс]. URL: <http://eng-poetry.ru/Поем.php?ПоемId=7495>. (дата обращения: 11.12.2021).
2. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Изд-во «Правда», 1989.
3. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические: Синодальный перевод.
4. Литературные манифесты западноевропейских романтиков / под общ. ред. А. С. Дмитриева. М.: Изд-во МГУ, 1980.
5. Синило Г. В. Библия и мировая культура: учеб. пособие. Минск: Вышэйшая школа, 2015.
6. Синило Г. В. Библия как “осевой” архетекст европейской литературы (на примере немецкой лирической поэзии) // Журнал Белорус. гос. ун-та. Филология. 2017. № 3. С. 19–29.